

²⁸ Там же. С. 24–25.

²⁹ Там же. С. 157.

³⁰ Там же. С. 26–27.

³¹ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 29. 1683 г.; Д. 35. 1684 г. Л. 22, 102.

³² Там же. Д. 54. 1684 г. Л. 8.

³³ Там же. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 23 об., 24 об., 30 об.

³⁴ Там же. Л. 34 об.

³⁵ Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 84. Л. 112–112 об.

³⁶ *Бакланова Н. А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования рус. буржуазии. М., 1959. С. 82.

³⁷ *Зерцалов А. Н.* Материалы для истории... С. 255–266.

³⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. 9. Л. 12 об., 23 об., 24 об., 30 об., 34 об.

³⁹ Однако конкретно проблема связи понизовых промыслов с российским рынком в XVII в. исследователями не изучалась. Имеющиеся работы носят в основном постановочный характер. См., например: *Чернышев Е. И.* К вопросу о связях Камско-Волжского края с российским рынком в XVII веке // Известия Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманитар. наук. Вып. 1. Казань, 1955. С. 37–51.

С. А. Кочетков

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯН ЛОВЕЦКИХ ДВОРЦОВЫХ СЕЛ СРЕДНЕЙ ОКИ: ИСТОКИ ДЕДИНОВСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (XVII — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII в.)

В целом ряде появившихся за последние десятилетия работ, посвященных окской торговле XVII — первой половины XVIII в.¹, отмечалась коммерческая активность жителей комплекса ловецких дворцовых сел Средней Оки, включавшего Дединово, Любичи, Ловцы и Белоомут. При этом Дединово Коломенского уезда выделялось как среди промысловых сел данного региона, так и вообще в Центральной России масштабами торгово-предпринимательской деятельности, своей ролью в экономической жизни столицы, ближнего и дальнего Подмосковья, в функционировании Окско-Москворецкой речной транспортной системы. В середине XVII в., по подсчетам М. Б. Булгакова, дединовцы составляли 25 % участников окской торговли, им принадлежало 30 % стругов и 60 % паузков, направлявшихся к Москве со стороны Коломны². Дединовская семья Шустовых вместе с «товарищами»-односельчанами к 1660-м гг. уверенно контролировала московский хлебный рынок³, а в конце данного столетия стала одним из самых влиятельных игроков на соляном рынке России, сбывая до 2 млн. пудов соли ежегодно⁴ и ощутимо снизив цены на этот важнейший продукт⁵. С 1660-х гг. дединовские торговцы основательно утверждаются в Орле, Курске, Белеве, Мценске, Севске, Рыльске и других городах.

Исследователи отмечали высокую торговую активность дединовских крестьян, однако при этом никак не пытались ее объяснить. Возможно, причина данного явления виделась им в самом дворцовом статусе Дединова. На наш взгляд, указанную задачу необходимо рассматривать с совершенно иного ракурса. Обращение к прошлому местных сообществ ловецких дворцовых сел Средней Оки показывает, что активное включение дединовцев в торгово-промышленную деятельность было связано в значительной степени с социально-экономическими условиями, в которых они находились.

В отличие от соседних Белоомута, Ловец и Любичей, Дединово в XVII в. было фактически лишено ресурсов для развития аграрной экономики — лугов и пашни. Лесной массив на территории волости долгое время имел оборонительное значение и считался заповедным. Хлеб и другое продовольствие, корма для скота, дрова жители села вынуждены были покупать, реализуя на рынке рыбу или получая средства от иных торгово-промышленных занятий. Таким образом, дединовская община изначально была ориентирована на выживание за счет купли-продажи, а власти, похоже, рассчитались с ней предоставлением режима наибольшего благоприятствования там, «куда они поедут торговать по нашей к Москве и в московские города, в Новгород в Нижний и на Рязань и во все наши московские города»⁶.

Остальные ловецкие села региона имели в распоряжении и пользовании некоторое количество пашни, лес и луга, частью которых крестьяне и рыболовы наделялись безоброчно. На этой ресурсной основе здесь складывается довольно развитое местное хозяйство. Например, в Белоомуте в XVII в. неуклонно рос аграрный сектор экономики. Появилась пашня на рязанской стороне против Белоомута между Окой и Воблей, на мешерской стороне от Оки до Ловец и у озера Трубеж. Площадь сенокосов, отведенных общине, на обоих берегах Оки увеличилась с 1620 по 1677 г. в 3,12 раза — до 471 десятины. В селе действовало 6 кузниц, таможенный и кружечный дворы.

Таблица 1. Ресурсная база местной экономики ловецких дворцовых сел Средней Оки в 70-е гг. XVII в.

Поселение	Угодья (по переписным книгам XVII в.)	Примечания
Белоомут	Луга — 496 десятин Выпасы — 60 десятин Пашня — 321 десятина Лес — 10 верст на 3 версты, бортный лес — 2 версты на полторы ⁷	Надел лугов — безоброчно (примерно 1,125 десятины на двор)
Ловцы	Луга (покосы) — 705 десятин Пашня — 288 десятин Лес — ото Цны до коростового	Надел лугов — безоброчно примерно 1,4 десятины на двор

	дуба 7 верст, от коростового дуба вверх по Цне, а от Цны-реки до Савинской ямы 20 верст, а от Савинской ямы до Оки-реки с 10 верст ⁸	
Любичи	Лес — на мешерской стороне 5–10 верст на 3 версты, на рязанской стороне 2 версты на 1 версту Луга — 168 десятин ⁹	Примерно по 1 десятина лугов на двор
Дединово	Кроме ловель на 196 верстах Оки и Москвы-реки, угодья в актовых документах не упомянуты	

Анализ источников, позволяющих составить системное представление о реальном присутствии на рынках Центральной России в XVII — начале XVIII в. жителей указанных сел, свидетельствует о том, что степень их участия в торговом предпринимательстве обратно пропорциональна обеспеченности общин сельскохозяйственными угодьями и уровню развития на этой основе местного хозяйства.

Таблица 2. Показатели торгово-предпринимательской активности жителей дворцовых ловецких сел Средней Оки в XVII — начале XVIII в.

Показатели	Дединово	Любичи	Ловцы	Белоомут
Численность проходов транспорта в районе Коломны (во всех направлениях) в 1651/52 г. ¹⁰	117 (23,8 %)	20 (4,2 %)	20 (4,2 %)	9 (1,8 %)
Количество явок продавцов соли в 1646/47 г. по материалам елецкой таможенной книги ¹¹	10	0	0	1
Покупатели зерна на орловском рынке в 1651/52, 1657/58, 1658/59 гг. ¹² по таможенным книгам	9	0	0	0
Количество торговцев / стругов из ловецких дворцовых сел при досмотре стругов в Орле в 1668 г. ¹³	22/24 (38 %)	3/3 (5,2 %)	3/3 (5,2 %)	1/1 (1,7 %)
Явки денег в Орле в 1679/80 г. по таможенным книгам ¹⁴	15	1 ¹⁵	6	1
Количество торговцев из ловецких дворцовых сел по курским таможенным книгам XVII в. ¹⁶	15	0	1	0
Количество подрядчиков, недопоставивших соль в 1725–1726 гг. ¹⁷	23	8	8	6

Правда, дединовское сообщество располагало ловлями на 166 верстах по Оке от границы с Рязанским уездом до Калуги и на 30 верстах по Москве-реке от ее устья до речки Мерски. Эти ловли были выделены ему в исключительное пользование с предоставлением особых прав промысла на затопленной вешними водами пойме и льгот по продаже рыбы. Однако приоритетность рыболовства в Среднем Поочье, как и во многих других регионах Центральной России, в XVII в. снижалась.

Рыбную торговлю в зоне самих среднеокских дворцовых сел подрывало потребительское рыболовство. Проблемы с реализацией скоропортящегося товара заставляли рассчитывать на случайный спрос по месту рыбалки — на проходившие суда, у мостов, переправ, причалов, на берегу в черте городов и т. д. или на продажу добычи спешно вразнос по дворам. Прасолы-скушщики старались доставлять рыбу в близлежащие населенные пункты в пределах дневной доступности. Примером может служить рынок Зарайска в 1668–1670 гг.¹⁸, где в качестве постоянного продавца рыбы обосновался дединовец Ф. Хлыстов. Его крупные торговые операции, в отличие от местных продавцов, сбывавших богатый, как правило, улов весеннего времени, происходили в разные сезоны года: в июле 1668/69 г. он реализовал рыбы на 20 руб., в апреле 1669/70 г. — на 30 руб., в феврале того же года — на 100 руб.

Существенно сдерживало развитие рыбной коммерции отсутствие у жителей ловецких дворцовых среднеокских сел возможности устраивать садковые водоемы на территории своих волостей по причине того, что весной пойма полностью заливалась полыми водами, а зимой имевшиеся озера и каналы «загорались». Себестоимость доставки в Москву обыкновенной живой рыбы в прорезных судах вследствие больших издержек на их строительство, проводку, обслуживание в пути нежного груза, а также убытков от потери продукции из-за жары, грязи, упущений не всегда покрывались выручкой от ее реализации. Гарантированную прибыль торговцы получали обычно при провозе ценной рыбы, которой славилась не Ока, а Нижняя и Средняя Волга.

Иными словами, на местных уловах невозможно было составить сколько-нибудь значительный капитал, и предпринимательскую активность дединовцев питали вовсе не доходы от обширных ловель, не шальные деньги от почти монопольного их обладания. Выдвижение дединовцев в число лидеров отечественного предпринимательства XVII в., их успехи в торгово-промышленной деятельности были обусловлены поголовным участием в формировании и обслуживании грузопотоков единого всероссийского рынка в Центре страны, в первую очередь в Окско-Москворецкой речной системе.

Во-первых, определенно сказалось расположение села на окских мелях, являвшихся самыми значительными бродами на участке Оки от Коломны до Рязани. В XVII в. они превращаются в транспортный узловой район на пути движения двух стратегических продуктов государства — хлеба и соли —

в Москву. Здесь эти жизненно важные грузы либо паузились или складировались с целью последующей доставки потребителям другими перевозчиками, либо перемещались из больших окских стругов в малые, построенные для плавания Москвою-рекою¹⁹.

Соответственно Дединово становится одним из ключевых перевалочных пунктов Окско-Москворецкой транспортной системы. Сюда поступали семена для дворцовых крестьянских поселений Подмосковья²⁰, государево и частное продовольственное зерно для Москвы. В селе скапливалась масса хлеба в тысячи четвертей²¹. Продукция подвозилась речными судами с верховьев и низовьев Оки и окских притоков. Сухим путем на подводах она доставлялась не менее крупными партиями, чем водным. В частности, в конце XVII в. кадомский купец Дмитрий Бессонов подрядил 22 подводы, чтобы перевезти свой хлеб от мордовской деревни Авкиманово до Дединова²².

В известном смысле значение Дединова как перевалочного пункта характеризует статистика следования из села груженных речных судов²³. В середине XVII в. их движение интенсивно, причем 55 % дединовских стругов ушло к столице не весной, когда поступало скупаемое в верховьях Оки зерно, а в августе-октябре, в сезон уборки хлебов в Центральной России.

Во-вторых, участие жителей села в торговле и перевозках было стимулировано Дворцом и государством, которые постоянно привлекали дворцовых рыбаков и крестьян к доставке оброчного и фискального натурального продукта по месту назначения.

Схема его транспортировки на примере вывоза государева хлеба из Почоя в столицу охарактеризована в грамоте Василия Шуйского рязанскому воеводе Прокопию Ляпунову от 6 октября 1608 г.²⁴ Запоздание с отправкой «посопного хлеба» в Москву и угроза близких морозов заставили центральные власти дать дополнительные указания, дабы ускорить решение проблемы: «...Которые ... села от Оки-реки удалили, и везти им хлеба к берегу немочно, ... чтоб тех сел крестьяном хлеба возити к судом не велели, а везли к Москве сухим путем ...». Остальные должны были доставлять хлеб на берег и «сыпати в суды..., а устроя хлеб в суды, ...тот хлеб привезти на Коломну водным путем...». Воеводе надлежало собрать под это все суда из того, что «есть», а также «изготовити...».

«Государево добро» можно было перевозить или методом привлечения подрядчиков, или производя строительство и проводку судов силами подвластного населения. Денежная форма сбора налогов и дворцового оброка предполагала распределение хлеба, рыбы и иной продукции посредством свободной торговли. Дединовцы были востребованы при любом из этих вариантов.

Они по царским указам постоянно строили в XVII в. для государевых нужд суда на реках Центральной России. Следует отметить, что вслед за своими плотниками и струговыми мастерами в районы строительства продвигались дединовские торговцы. Весьма симптоматично, например, что

массовому появлению в 1646/47 г. в Ельце, расположенном несколько в стороне от рек Окского бассейна, продавцов соли из Дединова предшествовало направление туда дединовских крестьян для изготовления стругов²⁵.

Власти охотно раздавали жителям села подряды, поскольку их профессиональная квалификация как торговцев, кормщиков, судовых работников, а также наличие во владении значительного парка стругов, вселяли небезосновательную надежду на успешное исполнение ими принятых обязательств. Авансирование государством и Дворцом подрядчиков позволяло заниматься этим видом торговой деятельности крестьянам, не имевшим значительных начальных денежных средств. На государственно-дворцовой подрядной системе, связанной с поставками хлеба, соли, рыбы и пр., без преувеличения, выросли торговые капиталы многих дединовцев.

Почву для расцвета дединовского предпринимательства подготовило и обеспечило на многие десятилетия и местное судостроение, важность которого была обусловлена исключительной ролью речного транспорта в экономике феодальной России. При тогдашнем состоянии сухопутных дорог, отсутствии трактов с твердым покрытием внутренний водный транспорт являлся не только главным, но и обеспечивал лучшую скорость перевозок при большей грузоподъемности по сравнению с гужевым. По подсчетам Б. Б. Каффенгауза²⁶, при осуществлении хлебных поставок к Москве в первой трети XVIII в. речными судами доставлялось около 2/3 хлеба. Поэтому тот, кто умел строить и держал в своих руках надежные и ходкие суда, доминировал на рынках в пределах региональных речных транспортных систем и всегда имел выход в сообщающиеся с ними бассейны.

Струг в XVII — начале XVIII в. позиционировался дединовскими предпринимателями как залог успешности коммерческой деятельности. Довольно характерна сказка гостей Василия и Григория Шустовых, поставивших на первое место среди принадлежавших им богатств «14 кораблей»²⁷. Состоятельные дединовские семьи имели по несколько таких судов. При осмотре стругов в Орле в 1668 г. у Степана Кухтина и Федота Брюхова обнаружилось в наличии три струга, у Никиты Шустова — три, Ивана Гришенского и Г. Шустова — два, у Подзоловых — два. Согласно данным книги Усмерского мыта²⁸ собственными стругами в Дединове располагали как минимум 25 % дворовладельцев из состава хозяйств, не относящихся к бобыльским.

Сегодня известно, что Дединово, наряду с Коломной, Нижним Новгородом, Романовым, Гороховцом, Вязниками, Ярославлем, Вологдой, накануне петровских преобразований входило в число ведущих центров речного судостроения страны²⁹. Описаны эпизоды, касающиеся деятельности дединовских корабелов. Отмечено преобладание жителей села среди перевозчиков грузов речными судами по Оке и Москве-реке, что дало основание А. А. Кизеветтеру в свое время предположить, что «дворцовое село Дединово Коломенско-

го уезда специально промышляло обслуживанием торговых судов, возивших товары по Оке»³⁰.

Вместе с тем, еще не получили должную научную оценку качественные изменения в окском судостроении, связанные с созданием «струга дединовского дела»³¹, обеспечившего значительные преимущества жителям данного села в торговле и перевозках в XVII в. Очевидные достоинства этого типа судов отчетливо выявились к 1640-м гг.³², когда дединовский опыт стал распространяться на реках европейской части страны, а дединовские судовые мастера стали направляться туда в качестве учителей, прорабов и наставников³³.

О самом корабле можно с уверенностью сказать, что это был «дощатый струг» — судно, комбинирующую основу которого наряду с досками составляли выструганные несущие элементы корпуса, тогда как в менее совершенных конструкциях суда этого типа собирались на базе выдолбленной и разведенной однодеревной трубы. В отличие от подшитых лыком и собранных с помощью кокор и деревянных нагелей из сырых брусьев и досок топорной работы одноразовых плавсредств для государевых хлебных и иных «отпусков», произведенных привлеченными «с поспешением» с городов и весей работниками, дединовские струги делались «в сухом в сосновом и в еловом лесу»³⁴. Прочность им придавали металлические гвозди и «винчетые скобы». При сооружении корпуса судна применялись доски-«пришивины» и доски-«обшивины». По грузоподъемности эти суда превосходили староманерные аналоги («в дощатых стругах болши положитца...»), имели меньшую осадку («...а с трубами струги, и те воденой ход глубже...») и служили годами.

И, наконец, огромное значение в развитии дединовского предпринимательства сыграл человеческий фактор, ведь столь высокий уровень реализации имевшихся возможностей обеспечили инициативные люди с определенным менталитетом и линией делового поведения, умением и готовностью искать и находить пути осуществления коммерческих проектов, способностью объединиться, задействовать и организовать человеческие ресурсы, распорядиться капиталами.

Необходимость объединения усилий при недостатке сил и средств, поиск наиболее эффективных решений подвигали крестьян к кооперированию, обычно в приобретении, при аренде и эксплуатации речных судов. Так, при осмотре стругов в Орле в марте 1668 г.³⁶ обнаружилось, что у М. Лисицына и двух крестьян из Переяславль-Рязанского уезда имелся один струг на троих, у К. Ватолина и Ф. Савельева — один струг на двоих, у С. Кухтина и Ф. Брюхова — три струга, у Г. Шустова и И. Гришенского, С. Подколова и Ф. Сидорова — по два струга в совместном пользовании. Любический крестьянин И. Нартов принял на свой струг рожь дединовца С. Кухтина и ловечанина Потапова. В Орле владельцы стругов присутствовали «со товарищи», принимая на себя

жесткие артельные обязательства. Неграмотные крестьяне доверяли разумеющим в грамоте «товарищам» право подписи документов.

В XVII в. в селе складываются «торговые дома», выступавшие двигателями дединовского предпринимательства. По масштабам, размаху коммерческой деятельности, степени влияния можно выделить семьи Шустовых, Миляковых, Кривоносовых, Брюховых, Кухтиных, Марининых, Кисловых, Сидоровых, отличавшиеся особой прочностью внутриродовых и внутрисемейных связей. Характерно, что некоторые из них проживали на общих дворах, например, Кривоносовы (две избы), Брюховы (три избы). Другие поселились в Дединове компактными «деревеньками», как, например, Шмарькины, Миляковы, Сидоры³⁷.

Для всех этих семей деловым центром, базовым пунктом коммерческой деятельности являлось Дединово. Даже Шустовы, будучи московскими гостями и имея промышленные, торговые, жилые объекты в Москве, Нижнем Новгороде, Соли Камской, Орле и др. городах, документы («записи», «крепости») и накопленные торговые капиталы держали в родном селе в особом «казенном» (для семейной казны) каменном доме, запечатанном печатью одного из купцов³⁸.

Названные фамилии вкупе с другими состоятельными крестьянскими семьями втягивали в торговый водоворот значительную часть соседей и односельчан. Бедным землякам давали работу как спасение от «скудости». Главным видом трудоустройства была «струговая работа». Крестьянские сказки 1-й ревизии по Дединову³⁹ изобилуют историями о служении на стругах, которое явно было ведущим занятием и коренных, и пришлых обитателей села.

Хорошо зная односельчан и крестьян из соседних ловецких сел, хозяева стругов, торговых мест, лавок охотно нанимали их приказчиками, кормщиками, доверенными слугами. Служба давала хорошие шансы завести собственное дело. Ими, к примеру, в полной мере воспользовались Гришенские. Будучи работниками (промышленниками) Шустовых представители этой семьи в 1660–1680-х гг. попутно успешно проворачивали собственные торговые операции, выступали вместе с более состоятельными земляками совладельцами товара на стругах⁴⁰. Согласно материалам 1-й ревизии⁴¹, они уже сами являлись нанимателями работников и обладателями крепостных (давших хозяину крепостную запись). В начале XVIII в. Гришенским было по силам брать крупные подряды и исполнять их, прибегая к услугам приказчиков. В частности, Сидор Гришенский в 1722 г. обязался доставить в магазин Ладоги «муки 2000, крупы 200 четвертей по цене 4594 рубля» и при участии односельчанина Мирона Ватолина справился с заданием в срок⁴².

Вместе с тем, во второй четверти XVIII в. обозначаются новые тенденции в развитии как местного хозяйства ловецких дворцовых сел Средней Оки, так и в экономике всего Московского края. Судя по материалам книги

Померной таможи 1737 г., происходит олигополизация дединовской хлебной торговли. Зерно в Москву привозили лишь крупные поставщики из числа крестьян этого села. С небольшой партией товара торговцев не было: из семи продавцов четверо реализовали хлеб на сумму свыше 2000 руб. каждый, двое — от 1000 до 2000 руб.⁴³ Доля Дединова как перевалочного пункта в снабжении второй столицы в это время сокращается. В том же 1737 г. дединовские предприниматели, занимавшие второе место после орловчан по размерам поставок хлеба в Москву, везли его по весне стругами сразу в город миную село. Величина поступления хлеба из Дединова, Калуги, с. Спасское и Белоомута была незначительна. Население ловецких дворцовых сел Средней Оки пустилось в отход. «Подобны они кочующему народу, — напишут дединовцы в челобитной царю в начале XIX в., подытожив плоды грустных размышлений о себе и своей жизни, — скитаются даже в дальние страны России для разных услуг и работы, переходят из города в другой город для искания и пропитания их семейств...»⁴⁴.

Примечания

¹ *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в.: (По материалам внутр. таможен). М., 1958; *Бакулин В. С.* Орел как хлебный рынок во второй половине XVII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 256–263; *Важинский В. М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Там же. С. 298–307; *Балашова Ю. П.* К истории торговых связей Московского края во 2-ой половине XVII в. // Из истории Московского края: Сб. тр. Т. 2. М., 1975. С. 3–37; *Булгаков М. Б.* Торговое движение по Окско-Московской речной системе в середине XVII века // Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.: Сб. ст. М., 1983. С. 201–219; *Шаблин А. А., Кочетков С. А.* Дединово — село морское. Рязань, 1996; *Раздорский А. И.* Купцы из Москвы и Подмосковья на курском рынке в XVII веке // Города Подмосковья в истории российского предпринимательства и культуры: II конференция, Серпухов, дек. 1997: Докл., сообщ., тез. Серпухов, 1997. С. 14–25; *Барсукова А. В.* Торговля коломенцев по Окско-Московоречному речному пути в XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.). С. 70–75.

² *Булгаков М. Б.* Торговое движение... С. 213.

³ СГГД. Ч. 4. М., 1828. С. 69–70.

⁴ *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистич. отношений в рус. пром-сти. М., 1957. С. 115.

⁵ РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Ст. оп. Карт. 15. Д. 81 695. Л. 49.

⁶ ОдГНБ. Отд. редких изд. и рукоп. № 577 (Жалованная грамота 1615 г.).

⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1427, 1430.

⁸ Там же. Д. 1411. Л. 147–149.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 32 562. Л. 35.

¹⁰ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 1199. Л. 1–101; *Булгаков М. Б.* Торговое движение... С. 214.

¹¹ Памятники южновеликорусского наречия: Тамож. кн. / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982. С. 80–81.

- ¹² РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 104, 319, 342.
- ¹³ Там же. Белгородский стол. Д. 643.
- ¹⁴ Там же. Денежный стол. Кн. 259. Л. 1–43 об.
- ¹⁵ Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок... С. 261.
- ¹⁶ Список лиц, упоминаемых в приходных разделах курских таможенных книг 1619–1677/78 гг. [Электронный ресурс] / Сост. А. И. Раздорский // Petergen.com: Петербургский генеалогический портал. СПб., 2001–2015. URL: <http://www.petergen.com/publ/imukkurta.html> (01.03.2015).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 614. Л. 80.
- ¹⁸ Балашова Ю. П. К истории торговых связей... С. 7.
- ¹⁹ РИБ. Т. 21. СПб., 1907. С. 1321.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 41 905.
- ²¹ Там же. Д. 41 905, 41 878.
- ²² См: Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956. 148 с. (Тр. ГИМ; Вып. 30).
- ²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 1199. Л. 1–101.
- ²⁴ Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. 2 / Сост. А. И. Цепков. Рязань, 2005. С. 29–30.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Кн. 261. Л. 149.
- ²⁶ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка... С. 232–261.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 218. Л. 180–181.
- ²⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 1199. Л. 1–101.
- ²⁹ Мельников П. И. Балахна — уездный город Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1850. С. 51.
- ³⁰ Кизеветтер А. А. Заградительные отряды XVII в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, 1882 — XL — 1922. Пб., 1922. С. 315.
- ³¹ Данная проблема поставлена А. А. Шаблиным (См: Шаблин А. А., Кочетков С. А. Дединово — село морское. С. 118–147). Им же были рассмотрены вопросы о некоторых особенностях конструкции и технологии изготовления, месте дединовского дощатого струга в ряду русских деревянных речных судов. Интересные детали, относящиеся к их строительству, ремонту и обслуживанию, приведены А. В. Барсуковой (см: Барсукова А. В. Истоки русского флота: судостроение на Оке в XVII в. // ВИЖ. 2007. № 8. С. 60–62).
- ³² Загоровский В. П. Судостроение под Воронежем в XVII в. // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 59.
- ³³ Шаблин А. А., Кочетков С. А. Дединово — село морское. С. 118–147.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 30.
- ³⁵ Там же. Ф. 210. Белгородский стол. Кн. 261. Л. 149.
- ³⁶ Там же. Денежный стол. Кн. 643. Л. 341–357.
- ³⁷ Там же. Ф. 1239. Оп. 2. Д. 1411. Л. 78–109 об.
- ³⁸ Там же. Ф. 248. Оп. 5. Кн. 218. Д. 2. Л. 37–37 об.
- ³⁹ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1466. Л. 88, 99, 157–164, 279, 309, 323–324, 336, 390.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 210. Белгородский стол. Д. 643. Л. 345; Денежный стол. Кн. 259. Л. 32 об., 40.
- ⁴¹ Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1466. Л. 72, 185.
- ⁴² Там же. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 712. № 4. Л. 102.
- ⁴³ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка... С. 257.
- ⁴⁴ ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1302. Л. 359–360.